

УДК 81-119+81'271

ЯЗЫКОВАЯ ДВУСМЫСЛЕННОСТЬ В СВЕТЕ ЭКОЛИНГВИСТИКИ

М.А. Южанникова

Статья посвящена, в первую очередь, определению места двусмысленности как явления амбивалентного, то есть оцениваемого и положительно, и отрицательно, в сфере исследовательских задач эколлингвистики. Рассматривается такое основание для классификации двусмысленных выражений, как их статус, под которым понимается отнесение того или иного выражения к стилистическим приемам или к ошибкам. Автор описывает проблему как различения приемов и ошибок, так и их терминологического обозначения. Намечаются перспективы исследования двусмысленности в эколлингвистическом ключе.

Ключевые слова и фразы: языковая двусмысленность; многозначность; омонимия; полисемия; смысл; эколлингвистика.

LANGUAGE AMBIGUITY IN THE LIGHT OF ECOLINGUISTICS

М.А. Yuzhannikova

The paper focuses, primarily, on the determination of ambiguity position as an ambivalent phenomenon in the field of research tasks of ecolinguistics, which is evaluated positively and negatively. An expression status is considered as a basis for the classification of ambiguous expressions, which refers to the assignment of a particular expression to the stylistic devices or to errors. The author describes the problem of discrimination and errors, as well as their terminological designations. Perspectives in the study of ambiguity are outlined in the light of ecolinguistics.

Keywords and phrases: language ambiguity; multiple meaning; homonymy; polysemy; sense; ecolinguistics.

Двусмысленность как феномен языка в его широком понимании, включающем и собственно язык как систему, и речь, как ее реализацию, можно рассматривать и с точки зрения экологии языка, и с точки зрения экологии речи как составных частей эколлингвистики. Уточним данное положение. Экология речи может заниматься двусмысленностью потому, что она относится к феноменам речи, то есть связана с такими понятиями как высказывание, смысл и зависит в большой степени от контекста. Экология языка же может избрать ее своим объектом в силу того, что порождение двусмысленности невозможно без опоры на языковые факторы, или механизмы, такие как, например, омонимия, полисемия и некоторые другие. В связи с такой двойственностью описываемого феномена кажется обоснованным не разграничивать его изучение на области экологии языка и экологии речи, а рассматривать его в комплексе с точки зрения эколлингвистики в целом.

Несмотря на расхождения в точках зрения на авторство термина «эколингвистика» (в отечественной лингвистике нередко в качестве синонимичного используется термин «лингвоэкология»), нет сомнения, что он на данный момент является наиболее широким, охватывающим все аспекты отношения общества к языку [Копнина 2014], в том числе вопросы не только сохранения последнего, но и его развития [Сковородников 2014]. Известно, что сохранение любого языкового феномена невозможно без его описания, следовательно, первым шагом на пути предсказания возможного развития какого-либо явления будет его подробная характеристика в синхронии. В настоящей статье предполагается осуществить попытку определения места феномена двусмысленности в сфере исследовательских задач эколингвистики, причем продемонстрировать, что благодаря амбивалентности феномена возможен двусторонний подход как с точки зрения экспрессиологии, так и с точки зрения эрратологии (ошибковедения).

В первую очередь, следует определить описываемое явление: двусмысленность мы понимаем как наличие у высказывания или его фрагмента двух и более смыслов, проявляющихся одновременно или последовательно, обусловленное сочетанием языковых факторов создания двусмысленности с особым контекстом.

В результате комплексного анализа двусмысленных высказываний, извлеченных из текстов на русском языке, было обнаружено, что их можно типологизировать по шести базовым основаниям (по уровням порождения, по типу разрешения, по механизму, по модели, по статусу, по функции (последнее основание применимо только к стилистическим приемам)) и пяти факультативным основаниям (по конфигурации коннектора-шифтера, по структурной организации, по наличию формальных маркеров двусмысленности, по степени изменения значения ключевого слова (коннектора), по направлению изменения значения ключевого слова (коннектора)). Подробное описание типологии см. в [Yuzhannikova 2015; Южанникова 2016]. Анализ двусмысленных высказываний на основании данной типологии позволил довольно подробно описать феномен двусмысленности, что позволяет говорить об относительно глубокой его изученности в синхронии и, следовательно, дает возможность углубиться в вопросы места двусмысленности в современной научной парадигме и перспектив ее развития и изучения.

В данной статье мы будем рассматривать те аспекты двусмысленности, которые раньше не затрагивались и коррелируют с основными проблемами эколингвистики. Подробнее мы коснемся лишь одного основания для классификации двусмысленных высказываний: статуса. Под статусом имеется в виду отнесение того или иного

двусмысленного высказывания к приемам или ошибкам, что является проблемой наиболее тесно связанной с экологией речи.

Здесь следует сказать о проблеме традиционных (еще с Античности) непоследовательных попыток создания бинарной системы терминов, именующих отдельно ошибки и приемы. Во-первых, существуют явления, имеющие нулевую оппозицию, такие, например, как метафора или какология (хотя и метафора может быть неудачной, а какология, использованная уместно и повлекшая за собой ожидаемый стилистический эффект, может рассматриваться как прием). Причем непосредственными собеседниками явление может восприниматься как ошибка, а третьим лицом – как прием. Так, примеры, регулярно печатающиеся в газетах и журналах под рубриками «Милицейский эпистолярый», «Медицинский юмор», «Из школьных сочинений», по сути, являются ошибками, но будучи намеренно представленными читателям в юмористических рубриках, «перевоплощаются» в приемы, выполняющие развлекательную функцию. В обыденном диалоге примеры какологии однозначно оцениваются отрицательно, будучи же вложенными в уста героев литературного произведения, они могут стать функционально оправданными (прагматически мотивированными), то есть выполнять роль стилистического приема. Во-вторых, вряд ли можно считать экономным наличие двух названий для одной и той же языковой модели, выступающей то в качестве выразительного средства, то в качестве речевой оплошности. Наконец, сложной представляется и сама задача различения приема и ошибки. Намеренность использования какого-либо языкового явления, которая считается у многих исследователей чуть ли не единственным критерием разграничения приемов и ошибок, не может им являться, ведь не всегда то, что употреблено намеренно, – удачно и наоборот. Например, ошибочная двусмысленность иногда трактуется как неснятая полисемия, т.е. речевая ошибка, возникающая «из-за возможной двойственной интерпретации слова или целого высказывания и приводящая к непониманию, иногда комическому эффекту» [Лагута 2000: 73], но ведь и прием двусмысленности может вызывать комический эффект, значит, в функциональном плане ошибки и приемы также могут совпадать. Поэтому приводимые некоторыми учеными механизмы возникновения случайной двусмысленности [Москвин 2007; Клюев 2001] являются в равной степени и механизмами создания приемов. Итак, в системе стилистических средств под специальными названиями находятся регулярно используемые в речи модели языка, те же, что порождают и ошибки. Мы согласны с точкой зрения, впервые представленной Л.Н. Мурзиным в 1989 году и поддержанной А.Н. Беззубовым: «описание экспрессивных речевых приемов можно строить

параллельно с описанием речевых ошибок: каждому приему соответствует ошибка, ибо прием в широком понимании есть нарушение речевой нормы» [Беззубов 1997].

Иногда явления при использовании в качестве приема имеют одно название, а при ошибочном употреблении – другое. Такой принцип терминологического обозначения, если не принимать во внимание вопрос дидактики, представляется неоправданным, т.к. нарушает тягу системы к экономии. Бинарная система названий неудобна в практическом применении. Называние явления безотносительно к его функционированию предпочтительнее, т.к. восприятие правильности и ошибочности нередко довольно субъективны, ведь даже ошибка может считаться приемом, если она забавна и развлекла реципиента или оказала какой-то иной эффект. Например, если адресант рассмешил адресата двусмысленной фразой, не имея такой интенции, то ее можно считать приемом, ведь адресат мог и не подозревать о случайности фразы.

Прежде всего необходимо уточнить, что понимается под приемом: стилистический прием – это прагматически мотивированное, моделируемое, отклоняющееся от нормы использование любых языковых средств для достижения определенных коммуникативных целей, в том числе того или иного прагмастилистического эффекта. Под прагматически мотивированным мы понимаем и уместное, и сообразное особенностям текста, и функциональное использование языковых средств (то есть в широком смысле эффективное). Такое определение позволяет отказаться от намеренности как единственного критерия разграничения приемов и ошибок, но не решает задачу в целом (ср., намеренное, но неудачное использование кавычек как маркера двусмысленного толкования: *Столичные милиционеры всерьез обеспокоены появлением на северо-востоке Москвы маньяка, грабящего женщин при помощи молотка. Жертвами «нелюдя», как правило, становятся женщины 40–60 лет, после нападения маньяк забирает у них сумочки и личные вещи. Одна из «несчастных» от полученных травм скончалась* (Новости мэйл.ру. 2011)). Предложенное определение описывает технику стилистического приема с точки зрения коммуникатора, но не учитывает роль реципиента, так как в силу различных причин прием может как не оказать нужного воздействия на адресата, так и быть расцененным как ошибка. В большинстве случаев языковая интуиция помогает определить прагматическую мотивированность и эффективность того или иного приема и отличить его от ошибки. Рассмотрим, например, такое высказывание директора рекламного агентства в журнале: *Наша политика – максимально сокращать сроки и бюджеты клиента, давая оптимальные предложения по размещению и организации рекламных кампаний от самых маленьких до мультимиллионных.*

Название журнала «Деловой квартал» и продолжение текста исключают юмористические намерения высказывающегося.

Таким образом, некоторая модель, эксплицирующая ненормативное использование языковых средств, прагматически не мотивированная и не имеющая целью какого-либо эффекта, рассматривается как ошибка. Ошибочное в настоящей работе понимается широко: и как неправильное, так и стилистический недочет, то есть неуместное, неэффективное.

Ошибки, по понятным причинам, нечасто встречаются в текстах СМИ и в научной и художественной литературе; реальные сценарии ошибочного понимания речи лучше всего проиллюстрированы текстами малоформатных комических жанров, в которых присутствует больше одного собеседника. Например, в комическом диалоге: – *О Хаим, если бы вы знали, как это тяжело – потерять жену...* – *Я знаю, Моня. Практически невозможно!* (www.evgbur.ru/witticism/anekdot). Другая возможность встретить «ошибку» на страницах прессы: приведение оригиналов ошибок в речи под рубрикой «Милицейский эпистолярый» или «Армейский юмор» и т.д., то есть из социальных сфер речи, эксплуатирующих стереотип о невысоком уровне речевой культуры участников. Здесь сама рубрика является контекстуальным «переключателем» ошибка/прием. Такие примеры хоть и используются в развлекательной функции, но отражают модели, использованные случайно или неудачно: *Муму была очень привязанной собачкой* (из школьного сочинения) (www.evgbur.ru/witticism/anekdot).

Рассмотрим также, например, диалог в «аське», иллюстрирующий ошибочную двусмысленность:

Vova: А я не понимаю, зачем электромеханику философия, социология, религиоведство, психология, педагогика и правозащитничество?

lovesun: как зачем? А кругозор!

lovesun: я б еще живопись и культурологию добавила.

*Vova: Культурология у нас была на втором курсе. Вместо живописи у нас была инженерная графика. **Кругозора** не было и надеюсь, что не будет* (www.bash.im) – один из собеседников считает кругозор названием учебной дисциплины.

Если подобные высказывания и вызывают улыбку, то скорее ироническую. В то же время подобные явления в других случаях рассматриваются как прагматически мотивированные и выполняющие определенную функцию (как правило, развлекательную). Например, забавная интерпретация потенциально двусмысленной фразы:

xxx: тут по радио: "Водитель, не пропустивший **пешехода на зебре**, рискует заплатить штраф в размере 1000 руб."

xxx: во-первых, это не пешеход, а наездник (www.bash.im/quote/403314),

или основанный на двусмысленности анекдот:

Петька вбегает в штаб и кричит:

– Василий Иванович! **Белые** в лесу!

Чапаев солидно отвечает:

– Не время, Петька, грибы собирать (анекдот).

В связи с этим актуальной является проблема различения приемов и ошибок, так как не всегда сразу ясно, специально ли используется двусмысленность или она нежелательна. Например: Новая выставка **живописных** работ Анатолия Чехлова экспонируется в Шушенской школе искусств (Красноярский рабочий. 1991. № 3). Использование в данном контексте определения *живописный* может восприниматься двояко (хотя эти значения и нельзя назвать равноправными). При этом важно отметить, что не всякая преднамеренная двусмысленность удачна и не всякая случайная – плоха. Например, следующие образцы намеренного создания двусмысленности вряд ли можно назвать очень удачными: *Любители паниковать вспомнили, что есть же еще Красноярская ГЭС, и вот уж если она упадет, то.... В ход пошли расчеты сроков бегства из центральных районов в места скопления деревьев и камней, а также карты затопления города с немногочисленными островками суши, саими и роллов* (журнал «ВЫБИРАЙ». № 21 (180). 2010) или реклама магазина «Техносила»: *Техносила: у нас все **получат!***, в то время как некоторые примеры случайной двусмысленности могут оказаться весьма забавными:

<МонголШуудан> Сааб 9-3 Аэро – автомобиль, который способен ехать **быстрее, чем вы думаете**. Интересно, **ЧЕМ** думал автор фразы?

<shatterOMG> он американец

<Zeld> Скорее эстонец... ([bash.im](http://www.bash.im)).

Кроме того, в некоторых случаях различие приема/ошибки не является релевантным. Например, в «Песне о вещем Олеге» читаем: *И вскрикнул внезапно ужасенный князь* (А.С. Пушкин). Двусмысленность этой фразы снималась бы при декламировании, если бы было известно, что имел в виду автор. Выбор одного из пониманий практически не изменяет общего смысла текста, что обусловлено легкой степенью двусмысленности. Так как стилистическая функция такого употребления неочевидна, то мы не можем назвать это приемом, но и ошибочным его назвать нельзя (очевидно, что автор при

декламации избирал какой-то один вариант и тем самым разрешал потенциальную двусмысленность).

Другой пример представляет собой мгновенно разрешаемую двусмысленность из научно-популярного труда по иммунологии: *Сам Т-хелпер за микробами не гоняется, ему помогает третий участник истории: дендритная клетка, которая ловит врагов и притаскивает их в лимфатический узел. Там она выставляет молекулы патогенов на своей поверхности и демонстрирует **наивным** Т-хелперам (наивность – официальный термин: клетка еще не специализирована). Когда наконец найдется наивный Т-хелпер, способный этого врага опознать, то он может превратиться в Т-хелпер второго типа, способный стимулировать работу В-лимфоцита и синтез антител* (А. Казанцева. В интернете кто-то неправ. Научные исследования спорных вопросов) – здесь в момент прочтения слова «наивным» оно воспринимается как метафора, следующее же за ним пояснение в скобках снимает фигуральность восприятия и приводит его к норме, то есть нулю, находящемуся между приемом и ошибкой. Таким образом, данный пример служит иллюстрацией не полисемии или омонимии (явлений сугубо языковых), а двусмысленности отнесения того или иного фрагмента к явлениям нейтральным или же экспрессивным. Интересно, что в данном случае использование кавычек не имело бы разрешающего эффекта, в этой функции эффективно использование именно поясняющей конструкции в скобках. Второе употребление вышеупомянутого прилагательного вполне однозначно благодаря пояснению и воспринимается нейтрально, как научный термин.

Отнесение того или иного явления к ошибке или к приему является одной из самых сложных проблем не только применительно к двусмысленности, т.к. исследователь не имеет возможности узнать интенцию автора и вынужден интерпретировать ее исходя из своей интуиции, фоновых знаний, предположений о том, что имел в виду автор. В данном случае неуместна категоричность. Так, например, Н.В. Перцов, рассматривая отрывок из А.С. Пушкина *«Фигурно иль буквально: всей семьей, / От ямщика до первого поэта, / Мы все поем уныло <...>*», пишет, что многозначность слова *поем*: «несмотря на предупреждение в первой строке, большинством читателей не замечается» [Перцов 2000: 58, цит. по Зализняк 2004]. Н.В. Перцов несомненно был бы прав, не будь в тексте прямого авторского указания на двусмысленность, но оно есть, и прямо побуждает найти слово, где совмещаются значения.

Проведенный анализ показал, что не вполне оправданно искать отдельные механизмы создания ошибки и приема, так как различает их только прагматическая мотивированность и

эффективность. В связи с такой «зыбкостью» границ между приемом и ошибкой нельзя признать удачным выделение сугубо отрицательных или сугубо положительно оцениваемых языковых явлений. Полагаем, что нет таких языковых явлений, которые представляют собой только ошибку и не могут в определенных условиях получить статус приема [Мурзин 1989]. Следовательно, не существует способов создания двусмысленности, с помощью которых порождаются только ошибки/недочеты, речь здесь может идти лишь о причинах, условиях. Соответственно, контекст и, шире, дискурс являются определяющими факторами при квалификации различных лингвистических явлений. Тем самым, можно говорить о наличии треугольника «прием» – «нейтральная позиция» – «ошибка», причем не всегда контекст позволяет разграничить ошибку и прием. Здесь применим критерий оправданности явления, в нашем случае двусмысленности, художественным замыслом (предполагающий учет специфики творчества писателя, жанровой формы произведения, принадлежности высказывания речи персонажа в художественном произведении и т.д.) [Дюкро 2013: 151].

Считаем, что множество явлений языка и речи в зависимости от совокупности нескольких факторов: интенции адресанта, особенностей восприятия адресата, контекста и внеречевой ситуации – могут рассматриваться и как речевой недочет, и как стилистический прием. Рассмотрим вышесказанное на примере двусмысленности.

В результате анализа нескольких механизмов создания приемов двусмысленности (связанной с омонимией падежных форм, с порядком слов или с неправильным фразовым ударением) были выделены пары «прием-ошибка», что подтверждает мысль о принципиальной возможности подобрать такие пары для всех существующих механизмов создания двусмысленности. Например, амфиболия: *Обрыв проходит всегда по самому интересному месту, и если узнаешь из кусочка газеты, как зал аплодисментами встретил товарищей такого-то и такого-то, начинаешь думать, что эти двое – очень крутые люди, раз даже их товарищей специально встречают какими-то аплодисментами* (В. Пелевин. Желтая стрела) – синтаксическая двусмысленность выполняет в данном случае эстетическое задание и является приемом; *Защита сбитой машиной Анны Шавенковой обжалует приговор* (http://rapsinews.ru/judicial_news/20110311/252011206.html) – ошибочное построение фразы в новостном заголовке затрудняет понимание, кто же кого сбил и кому принадлежит машина – сбитой Анны Шавенковой или сбитой машиной, принадлежащей Анне Шавенковой; два примера дилогии: *Людмила Гурченко установила новый олимпийский рекорд: она **подтянулась** 55 раз* (Комсомольская правда. 26.05–05.06. 2006) – стилистический прием в развлекательной функции; *Офицеры и курсанты учебного военного*

центра СФУ прошлой весной провели поисковую работу: **убрали** братские могилы солдат, облагородили захоронения, а в архивных данных обнаружили 93 фамилии воинов, умерших от ран в эвакуационных госпиталях Красноярска, ранее нигде не числившихся (АиФ. 2011. №7) – ошибка: неясно, что автор подразумевал под словом «убрали» – почистили (если так, то зачем далее следует синоним «облагородили»?) или перезахоронили останки воинов индивидуально.

Таким образом, любой стилистический прием в случае неэффективного употребления становится ошибкой. Для упрощения терминологии кажется разумным давать специальные названия только приемам (вернее, самим общепринятым моделям языковой трансформации, отклонениям от нормы). Общепринятых моделей двусмысленности (или, традиционно, приемов) всего семь: дилогия, амфиболия, антанаклаза (подразделяющаяся на диафору и плоку), буквализация метафоры, антифразис (и его разновидность астеизм), зевгма. Вероятно, выход может быть найден с помощью использования определений «ошибочный, нежелательный, неуместный, немотивированный»: ошибочная дилогия или, например, нежелательная буквализация метафоры, что все-таки не столь затрудняет терминологическую систему и удобно для использования в дидактических целях.

Итак, двусмысленность является сложным амбивалентным лингвистическим феноменом, который реализуется в речи посредством ряда моделей (построенных на определенных исчисляемых механизмах порождения двусмысленности), которые в случае прагматически мотивированного использования представляют собой стилистические приемы. Одним из способов различения ошибки и приема может быть установление жанра, в котором встречено явление, и определение его функций, обусловленных жанром, так как существует явный жанровый и функциональный детерминизм: в качестве стилистического средства двусмысленность используется в основном в художественных текстах и малоформатных комических жанрах, находящихся на стыке художественного и разговорного стилей, выполняя функции развлекательную и эстетическую. В текстах же научного, официально-делового стиля подобные явления преимущественно являются ошибкой в силу своей неуместности. Но безошибочно определить тонкую грань между ошибкой и приемом поможет лишь отличное знание языка и развитой языковой вкус.

Амбивалентность двусмысленности, то есть возможность ее отнесения как к положительным, так и к отрицательным явлениям, позволяет говорить о размытости границ между приемом и ошибкой: любая ошибка может стать приемом, например, во вторичном тексте. Одним из критериев разграничения приема и ошибки является прагматическая

мотивированность, то есть уместность наряду с намеренностью и функциональностью. На данный момент не существует формальных инструментов, с помощью которых можно однозначно и четко разграничить все случаи на стилистически уместные и неуместные, то есть нежелательные, ошибочные, что в будущем должно стать первостепенной задачей для реализации полного автоматизированного анализа текстов. Опорой в основном выступает наше языковое чутье. И та, и другая ипостась двусмысленности способна стать предметом изучения эколингвистики: приемы – как способы обогащения стилистических возможностей языка и речи, ошибки – как то, чего следует избегать и с чем бороться.

Перспективным является развитие инструментария, с помощью которого можно было бы развить умение не только видеть саму двусмысленность и разрешать ее, но и замечать потенциальную двусмысленность и уметь «погасить» ее или реализовать при необходимости. Это представляется важным для решения задач как исследовательских, так и дидактических. Таким образом, существование двусмысленности в естественных языках, в том числе и в русском, может стать одним из немаловажных предметов эколингвистики и с точки зрения нормирования языка и речи, и с точки зрения культивирования их выразительных потенций.

Список литературы

- Беззубов А.Н. Введение в литературное редактирование. Учебное пособие. СПб., 1997. URL: <http://www.evartist.narod.ru/text16/034.htm> (дата обращения: 20.06.2016).
- Дюкро О. Неопределенные выражения и высказывания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. М., 1982. С. 391–405.
- Зализняк А.А. Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания. М., 2004. № 2. С. 20–45.
- Клюев Е.В. Риторика. (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учебное пособие. М.: Издательство ПРИОР, 2001. 272 с.
- Копнина Г.А. Экология языка и экология речи как разделы эколингвистики // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 78–89. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/09/Kopnina-G.A..pdf> (дата обращения: 30.06.2016)
- Лагута О.Н. Стилистика. Культура речи. Теория речевой коммуникации: учебный словарь терминов. Ч. 2. Новосибирск, 2000. URL: <http://www.edushk.ru/cultura/16759/index.html?page=19> (дата обращения: 03.07.2016)
- Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2007. 940 с.
- Мурзин Л.Н. Норма, речевой прием и ошибка с динамической точки зрения // Речевые приемы и ошибки. Типология, деривация, функционирование: сб. науч. тр. М.: Ин-т языкознания, 1989. С. 5–14.
- Сковородников А.П. К философским основаниям предметной области эколингвистики // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 140–161. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/09/Skovorodnikov-A.P..pdf> (дата обращения: 30.06.2016)

Южанникова М.А. Феномен двусмысленности как основание стилистических приемов в современном русском языке. Дисс. ... канд. филол. наук, 2016. Красноярск. 208 с. URL: <http://research.sfu-kras.ru/node/12046>(дата обращения: 20.06.2016).

Yuzhannikova, M. A typology of linguistic ambiguity / M. Yuzhannikova // Journal of Siberian Federal University. Humanities&Social Sciences. 2015. Vol. 8. Issue 3. Pp. 533–541.

References

Bezzubov A.N. Vvedenie v literaturnoe redaktirovanie [Introduction into the literary editing]. Uchebnoe posobie. SPb., 1997. Available at: <http://www.eartist.narod.ru/text16/034.htm> (accessed 20.06.2016)

Dyukro O. Neopredelennyye vyrazheniya i vyiskazyvaniya [Vague expressions and statements]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Vyip. XIII. M., 1982. Pp. 391–405.

Zaloznyak A.A. Fenomen mnogoznachnosti i sposoby ego opisaniya [The phenomenon of multiple meanings and means of its describing]. *Voprosy yazykoznaniya*. M., 2004. № 2. Pp. 20–45.

Kluev E.V. Ritorika. (Invencia. Dispozicia. Elokucia) [Rhetorics. (Invention. Disposition. Elocution)]: Uchebnoe posobie. M.: Izdatel'stvo PRIOR, 2001. 272 p.

Kopnina G.A. Ekologiya yazyika i ekologiya rechi kak razdeli ekolingvistiki [Ecology of language and Ecology of speech as a sections of Ecolinguistics]. *Ekologiya yazyika i kommunikativnaya praktika*. 2014. № 2. Pp. 78–89. Available at: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/09/Kopnina-G.A.pdf> (accessed 30.06.2016)

Laguta O.N. Stilistika. Kultura rechi. Teoriya rechevoy kommunikatsii [Stylistics. Culture of speech. Theory of speech communication]: uchebnyy slovar terminov. Ch. 2. Novosibirsk, 2000. Available at: <http://www.edushk.ru/cultura/16759/index.html?page=19> (accessed 03.07.2016)

Moskvin V.P. Vyrazitelnyye sredstva sovremennoy russkoy rechi. Tropy i figury. Terminologicheskiy slovar [Expressive means of the modern Russian language. Tropes and figures. Terminological dictionary]. Rostov n/D: Feniks Publ., 2007. 940 p.

Murzin L.N. Norma, rechevoy priem i oshibka s dinamicheskoy tochki zreniya [Norm, speech device and error from the dynamic point of view]. *Rechevyie priemy i oshibki. Tipologiya, derivatsiya, funktsionirovanie*: sb. nauch. tr. M.: In-t yazykoznaniya Publ., 1989. Pp. 5–14.

Skovorodnikov A.P. K filosofskim osnovaniyam predmetnoy oblasti ekolingvistiki [For philosophical reasons of the domain of Ecolinguistics]. *Ekologiya yazyika i kommunikativnaya praktika*. 2014. № 2. Pp. 140–161. Available at: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/09/Skovorodnikov-A.P..pdf> (accessed 30.06.2016).

Yuzhannikova M.A. Fenomen dvusmyslennosti kak osnovanie stilisticheskikh priemov v sovremennoy russkoy yazyike [The phenomenon of ambiguity as the basis of stylistic devices in modern Russian language]. Diss. ... kand. filol. nauk. 2016. Krasnoyarsk. 208 p. Available at: <http://research.sfu-kras.ru/node/12046> (accessed 20.06.2016).

Yuzhannikova M. A typology of linguistic ambiguity. *Journal of Siberian Federal University*. Humanities&Social Sciences. 2015. Vol. 8. Issue 3. Pp. 533–541.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Южанникова Марина Алексеевна, аспирант кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации

Сибирский федеральный университет

Россия, 660041, Красноярск, пр. Свободный, 79

E-mail: yuzhannikova@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Yuzhannikova Marina Alexeevna, PhD student of the Department of the Russian Language, Literature and Speech Communication

Siberian Federal University

79 Svobodny pr., Krasnoyarsk 660041 Russia

E-mail: yuzhannikova@mail.ru